

ливая определённый порядок и ограничивая деятельность прочих индивидов, правительство конституируется как противоположная всеобщей определённая воля: «...оно поэтому безусловно не может проявить себя иначе, как в виде некоторой партии (Fraktion). Только *побеждающая* партия называется правительством, и именно в том, что она есть партия, непосредственно заключается необходимость её гибели; и наоборот, то, что она есть правительство, делает её партией и возлагает на неё вину» [1, 317].

Деятельности правительства, провозглашающего своей целью абсолютную свободу, ничто и никто не может противостоять, поскольку оно эксплуатирует овладевшую индивидами идею *всеобщей* воли, которую оно якобы выражает своими действиями. Против тех же, кого не обманывают созываемые правительством «представительства», кто понимает, что «там, где самость только *представлена* и *репрезентирована*, там она лишена *действительности*» [1, 317], у обладающих властью поборников «всеобщей свободы» есть радикальное средство, пресекающее всякие попытки оспорить *всеобщность* даруемой ими свободы. «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть... *смерть*, и притом *смерть*, у которой нет никакого внутреннего объёма и наполнения; ибо то, что подвергается негации, есть ненаполненная точка абсолютно свободной самости; эта смерть, следовательно, есть самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды» [1, 318]. Трагическое подтверждение в деятельности диктаторских режимов современности получил и завершающий вывод Гегеля о том, что даже не осуществленный умысел считается преступлением против диктатуры. «*Быть под подозрением* приравнивается... *виновности* или имеет такое же значение и такие же последствия, а внешне выраженная реакция на эту действительность, заключающуюся в простом «внутреннем» намерения, состоит в холодном уничтожении этой сущей самости, у которой нечего отнять, кроме лишь самого её бытия» [1, 318].

Таким образом, в описании Гегеля неперенной спутницей борьбы за всеобщую свободу становится смерть. По его мнению, это происходит потому, что подлинная свобода может быть реализована только субъектом, который *полностью* отрешился от единичных проявлений. Такое отрешение (негация) осуществляется не в покорном следовании слепой судьбе, не в жертвовании отдельными благами, а в «чистом ужасе перед негативным», благодаря которому «не имеющая значения смерть, бессодержательная негативность самости, обращается во внутреннем понятии в абсолютную положительность» [1, 320]. Гегелевский анализ общества оказывается бессильным обнаружить *гармонию* единичного и всеобщего в действительности. Поскольку всеобщее, согласно его установкам, не может быть адекватно воплощено в деятельности индивидов, так как последние погрязли в «дурном» единичном, постольку всякие попытки найти или создать в действительном мире что-либо общее *всем* Гегель считает обречёнными на провал. Поэтому-то страх смерти оказывается в мире отчуждения единственным стимулом, способным заставить индивида признать свое родство со всеми и, забыв о своей исключительности, рассматривать себя как «атом сознания». Поэтому поиски гармонии единичной и всеобщей воли Гегель (вслед за Кантом, хотя и из принципиально других соображений) переносит в сферу моральной жизни общества.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Соч. – М., 1959. Т. 4.

Коклюхин В. В. (БрГУ им. А.С. Пушкина, г. Брест)
Крюков В. М. (Полесский ГУ, г. Пинск)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И АНТИГЛОБАЛИЗМА: ГЕРМАНИЯ

Дискуссии по вопросам геополитических трансформаций современного мира и влияния глобализационных процессов на внутреннюю и внешнюю политику стран, либо уже занимающих в мировом сообществе лидирующие позиции, либо стремящихся не оказаться на обочине магистрального направления истории, получили на перекрестье эпох довольно широкое распространение. При этом обнаруживается, что идея изменения мира в рамках и под лозунгами глобализационных проектов на практике имеет как активных сторонников (в особенности среди

лидеров ряда ведущих западных государств), так и не менее активных противников, в том числе среди граждан тех же самых ведущих наиболее развитых стран, и особенно развивающихся и неприсоединившихся государств.

Во все исторические времена в межгосударственных отношениях отмечались центробежные и центроостремительные (глобализационные) процессы. Экономические и культурные связи способствовали образованию наций и государств, наслаивались и перемешивались народности, конфессии и цивилизации. В процессе глобализации государства превращались в империи, каганаты, орды, политические союзы, федерации, каждое образование при благоприятных исторических условиях достигало уровня абсолютизма и тоталитаризма, доходило при этом до максимально допустимой степени консерватизма, что по законам диалектики порождало застои и вызывало развитие антиглобалистских (центробежных) движений.

Центробежные противоречия выражались в межплеменных, межнациональных, межконфессиональных, межгосударственных и идейных конфликтах; по прошествии войн, бунтов и революций победившие слои и классы устанавливали границы и позиции, которые фиксировали захваченные территории и позволяли «переварить» добычу или накопить новые силы для продолжения процесса глобализации.

Торжество победителей могло продолжаться веками, могло реализоваться в геополитическом пространстве, а могло закончиться поражением или реализоваться частично. Примером последнего может служить опыт Германии. После разгрома Первой империи во Франции союзные державы созвали Венский конгресс, собравший представителей всех европейских стран, кроме Османской империи. Главную роль на конгрессе играли российский и австрийский императоры Александр I и Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм IV и английский министр иностранных дел Кэстльри. «Венская система» не надолго сохранила «баланс сил» победителей. Европейские войны, начиная с Крымской войны, закончились отторжением Эльзаса и Лотарингии и переходом их в состав Германской империи. Несколько ранее Рейнско-Вестфальская область, важная по экономическому потенциалу и стратегическому положению, была отдана Пруссии.

Пруссия серьёзно увеличила свои владения. Под власть прусского короля отдали Северную Саксонию, часть герцогства Варшавского с городом Познань, Пруссии позволили выкупить за 5 миллионов талеров шведскую Померанию и присоединить остров Рюген в Балтийском море. Политическая система Европы обошлась без восстановления упраздненной Наполеоном в 1806 году Священной Римской империи германской нации. Общее количество немецких государств уменьшилось почти в 10 раз, но всё ещё сохранилось 38 отдельных суверенных владений – «Германский союз».

Война 1864 года Пруссии и Австрии с Данией означала первый шаг к созданию Германской империи. Ещё одна война – франко-прусская 1870-1871 гг. – привела к завершению объединения Германии. Одновременно весьма динамично развивалась экономика. За 1870-1913 год объём промышленной продукции в Англии увеличился в 2,2 раза, во Франции – в 3, и в Германии – почти в 6 раз. Фирма с официальным названием «Фридрих Крупп из Эссена», основанная в 1811 году, спустя 100 лет в 1910 году, в одном Эссене владела промышленным комплексом из 18 заводов; в Западной и Северной Германии компания контролировала 8 других гигантских сталелитейных предприятий, угольные шахты, рудники, судостроительную верфь в Киле... В годы Первой мировой войны число служащих и рабочих фирмы выросло до 150 тысяч [1, 212].

В государствах Германии процесс освобождения крестьян тянулся очень медленно: в Бадене – в 1783 году, Баварии – 1808, в Гессене – 1811, Вюртемберге – 1818... Но ведь в России это произошло только в 1861 году! Между тем, марксистские теоретики сурово осуждали прусский путь развития. Советские политики вообще грешили поспешными оценками. Коммунисты жестоко ошиблись в оценке германского империализма: это была не крайняя стадия капитализма, после которой, по Марксу, должна наступить его гибель. Это было возрождение «Священной Римской империи германской нации». Попытка её восстановления была сделана кайзером Вильгельмом ещё в Первую мировую войну.

Гитлер сделал ещё одну попытку и, не скрывая этого, так и назвал свое государство – «Третий Рейх». В 1945 году Третий Рейх был разгромлен. Поднимется ли следующий?

Но следует признать, что процессы глобализации в Европе в виде «Священной Римской империи германской нации» начались ещё во времена рецепции римского права романо-германской правовой семьей.

За пределы континента романо-германская правовая семья распространялась за счёт колонизации европейскими странами других стран, насильственной экспансии романо-германской правовой семьи в неевропейские страны, а также за счёт добровольной рецепции, усвоения и перенесения ряда положений этой семьи.

Вплоть до XIII века шёл процесс накопления соответствующих источников из элементов обычного права германских, славянских, нордических и иных племен – законов варваров. Наиболее известными из записей обычаев являлись «Саксонское зеркало» и «Швабское зеркало». Широко использовались кодекс, дигесты и институции Юстиниана, а также приспособленные к новым условиям источники римского права.

Римские источники осваивались по мере формирования германского государства, которое образовалось на землях восточных франков после распада их империи. Основную его территорию составляли 5 германских герцогств – Саксония, Франкония, Швабия, Бавария, Лотарингия, а также присоединенные итальянские и славянские земли. В X-XII вв. Германия представляла собой относительно централизованное государство. В ходе длительной борьбы германских королей за завоевание Италии и противоборства с папской властью образуется «Священная римская империя», Оттон I принимает в 962 г. титул императора. Однако после гибели династии Штауфенов в борьбе с римскими папами в Германии с 1250 по 1273 гг. не было императора, многие коронные земли и имперские регалии были присвоены князьями.

Система романо-германского права набирала силу в то время, когда страны ареала её распространения не были объединены, и сама мысль об объединении казалась несбыточной. «Золотая булла», изданная в 1356 году при императоре Карле IV, закрепила феодальную раздробленность и установила выборную монархию на условиях «избирательных капитуляций». Кроме императора существовало ещё два общеимперских института: рейхстаг и имперский суд. Романо-германская правовая система не основывалась на идеях централизации и каких-то политических тенденциях: её фундаментом служила общность культуры и традиций европейских стран.

Большие города Европы, имевшие высокий уровень товарно-денежных отношений, нуждались в более высоком уровне проработки правовых норм. Со временем они подчиняли своему влиянию менее развитые города. Так, северогерманский город Любек имел более 100 дочерних в юридическом отношении городов. А влияние Магдебургского права было распространено на значительную часть Восточной Европы и Лондон, было своеобразной частью законодательства Великого княжества Литовского. Первым на территории Беларуси магдебургское право получил Брест (1390), потом Гродно (1391), Слуцк (1441), Высокое (1494), Полоцк (1498), Минск (1499).

Попытка глобализации через православное великодержавие была предпринята во времена российской империи. В русском подсознании термин «Родина» символизировал нашу землю, наше великое прошлое, наш народ, а в XX в. олицетворяло то же, что для немцев слова «фюрер» или великий Рейх. Сталин ощущал свою мистическую преемственность с когда-то сидевшими в Кремле царями и исполнился русского патриотизма; по его указаниям были сняты фильмы «Петр Первый», «Александр Невский», «Иван Грозный» и другие, прославлявшие державную Русь, восстановлены офицерские звания и погоны. Его трансформация в императора становилась для народа очевидной.

Духовное предназначение России богословы видят в том, чтобы быть Третьим Римом. Есть пророчество преподобного Серафима Саровского, что перед самым пришествием Антихриста Русь снова станет мощной империей. Однако, по утверждению инок Филофея, «четвёртому Риму не бывать» [2, 20]. Возможно, не бывать и четвёртому Рейху.

Переживаемый народами современный политический процесс характеризуется формированием однополюсного мира, олицетворяемого экономической и политической монополией США. Американский доллар «регулирует» построение мировой экономики, задачи таможенных и миграционных структур, военно-политические силы диктуют пределы самостоятельности независимых государств. В ответ на отмеченные процессы рождаются естественные или неадекватные реакции в виде сопротивления глобализму (в целом или в конкретных регионах мира), усиливается терроризм, религиозные противостояния, расширяется миграция и появляются на границах массы беженцев.

При этом обнаруживается, что идея изменения мира в рамках и под лозунгами глобализационных проектов на практике имеет как активных сторонников, так и не менее активных противников, в том числе среди граждан ведущих (Германия, Франция) европейских государств. Показателен в этом плане рост числа всевозможных саммитов и форумов, в явном или завуалированном виде рассматривающих проблемы принятия единых для всего мира стандартов поведения в экономике, политике, праве и т. д., а также рост числа людей, выступающих против введения тотальных, общих для всех норм, идеалов, принципов экономической и иных форм жизнедеятельности, поскольку за такого рода тоталитарной трансформацией мира им видится отступление от своеобразия принципов свободы и демократии.

Более того, оценивая практическую возможность построения в современных условиях единообразного в политическом и правовом отношении мира, при всей хорошо видимой объективной взаимосвязанности и взаимозависимости различных его составляющих, рискуем высказать мысль, что сегодня это не более чем утопия. В то же время нельзя не согласиться с выводом известного антисоветчика Збигнева Бжезинского: «Я надеюсь, что спустя годы интересы России и западных стран станут ближе, но это, разумеется, зависит от желания обеих сторон» [3, 7].

Во-первых, обращаясь к экономической сфере, а именно здесь процессы глобализационной трансформации зашли наиболее далеко, следует отметить, что в том же самом мире существует огромный разрыв между богатыми и бедными странами, между странами высокотехнологичными и технически слабо развитыми. При этом сам факт разрыва является, по существу, необходимым и перманентным условием, своеобразной точкой отсчёта в формировании приоритетов политики ведущих стран, объединенных в «восьмерки», «шестерки», различного рода «давосские форумы» и т. д.

Во-вторых, говоря о сфере культурной, нельзя не принимать во внимание предпосылку многообразия культур как основополагающий момент их существования и развития. Культурная унификация, являющаяся одним из следствий унификации экономической и политико-правовой, несёт в себе тенденцию обеднения культуры как таковой, тенденцию деградации культуры.

В-третьих, отчётливо видно, что особенно остро проявляются противоречия на религиозной почве. Между собой не могут договориться по принципиальным вопросам представители даже единых конфессий (а столкновения между приверженцами ислама и других вероисповеданий наблюдаются в разных точках земного шара). Некоторые исследователи небезосновательно полагают, что XXI век будет веком противостояния исламской и христианской цивилизаций.

В-четвертых, наличие международного права не делает его повсеместно главенствующим.

В-пятых, интеграционные процессы в Европе, являясь неотъемлемым элементом трансформации мира по глобалистскому сценарию, идут на основе не столько допущения, сколько категорического утверждения истинности и незыблемости системы ценностей так называемого западного образа жизни. Однако указанный категоризм уже сегодня испытывается на прочность в связи с тем, что в центре его находится идея прогресса общества на путях исключительно техногенных прорывов и постоянного наращивания потребностей. Последнее столь же уверенно гарантирует благосостояние «золотого миллиарда» населения планеты, к которому по преимуществу принадлежит население консолидирующегося Запада, сколь гарантирует и нарастание глобального кризиса.

Перечисленное не исчерпывает всей совокупности факторов, исходя из которых, естественно полагать, что трансформация мира в единую глобализованную политическую и социально-экономическую систему в обозримом будущем невозможна. Такая система, даже если её удастся искусственно создать, будет непрочной и недолговечной.

Альтернативой (противоположным полюсом) глобализму как цели масштабных мировых изменений представляется существование самостоятельных суверенных государств. Суверенитет – это реализуемое на практике право государства решать вопросы любого уровня представительности в соответствии со своими внутренними и внешними интересами, это независимость страны в её международных отношениях. Однако встаёт вопрос: насколько возможен в полной мере суверенитет в сегодняшнем глобализирующемся мире любого государства. Красноречивый пример «уважения» «мировым сообществом» права суверенитета сегодня – это Ирак.

Поскольку ни глобализм, ни полноправный суверенитет на практике сегодня реализовать не представляется возможным, то, по всей видимости, нужно говорить о некоем третьем варианте. И этот вариант существует и довольно активно реализуется многими участниками современных международных правовых и экономических отношений. Это так называемая регионализация.

VIII Глава Устава ООН гласит о региональных соглашениях и органах для решения вопросов, касающихся поддержания мира и безопасности на региональном уровне. Главным условием легитимности этих органов с международно-правовой точки зрения является совместимость их деятельности с целями и принципами ООН. В разрешении международных споров Совет Безопасности действует в тесном сотрудничестве с региональными организациями, пользуется их поддержкой в осуществлении своих невоенных и военных миссий. С другой стороны, региональные организации не могут предпринимать вооруженных действий без наличия санкции со стороны Совета Безопасности, за исключением случаев, подпадающих под категорию коллективной самообороны.

К числу региональных организаций можно отнести такие структуры, как Организация Американских Государств (ОАГ), Организация Африканского Единства (ОАЕ), Лига Арабских Государств (ЛАГ), Содружество Независимых Государств (СНГ) и др. Все эти организации предусматривают обязанность государств-членов сотрудничать в области поддержания мира и безопасности.

С точки зрения особенностей регулирования вопросов международной безопасности региональными организациями интересно рассмотреть пример ОБСЕ.

В Будапештском документе 1994 г., трансформировавшем Совецание в Организацию в ОБСЕ говорится о цели данного преобразования, которой «явилось увеличение вклада СБСЕ в безопасность, стабильность и сотрудничество региона СБСЕ с тем, чтобы оно играло центральную роль в развитии пространства общей безопасности, основанной на принципах Хельсинского Заключительного Акта» [5, 314].

Концепция безопасности, разработанная ОБСЕ, основывается на уделении большего внимания превентивной дипломатии, расширению содержания принципов и развитии способности урегулирования конфликтов и кризисных ситуаций, а также миротворчества и постконфликтного восстановления; упрочнении безопасности и стабильности путём контроля над вооружениями, разоружения, развития мер доверия [4, 226].

После развала СССР и дезинтеграции социалистического блока США остались единственным полюсом в некогда биполярном мире. Ощущение военно-политического и экономического преимущества над всеми остальными странами мира отразилось и на национальной политике США, всё более отдаляющейся от признания верховенства международного права над национальными интересами.

Мир стал свидетелем войны в Ираке, в которой приняли участие вооруженные силы США и Великобритании. Бытуют многие мнения о политической целесообразности этой военной акции, к некоторым из которых присоединяется и авторы данной работы. Но эта военная акция имела две главные негативные стороны:

Вторая война в Ираке не была санкционирована Советом Безопасности ООН и с международно-правовой точки зрения противоречила основным положениям международного права в целом и права международной безопасности в частности;

Военная акция была предпринята не только вопреки воле Совета Безопасности, но и в условиях жёсткого противостояния со стороны большинства ведущих стран и большей части мирового сообщества;

Вооруженные действия в Ираке велись даже вопреки элементарному принципу всеобщего права, гласящего, что любое действие, носящее характер санкций, должно основываться на конкретных доказательствах того, что факт, заслуживающий санкций, имеет место.

Военная акция союзной коалиции в Ираке уже привела к некоторым негативным эффектам, которые мы перечислим:

1. Несанкционированные военные действия в Ираке подорвали авторитет международного права и, в частности ООН, проявившей крайнюю пассивность в данном вопросе, в глазах мирового сообщества и отдельных государств;

2. Начал набирать обороты процесс наращивания вооружений во многих странах мира, и в особенности в развивающихся странах Азии, что служит признаком того, что эти государства потеряли уверенность в собственной безопасности;

3. Начался процесс создания нового военно-политического блока в рамках Европейского Союза за пределами рамок НАТО;

4. Усилились разногласия между Европой и Россией с одной стороны, и США с Великобританией – с другой.

Все вышеперечисленные факторы представляют собой реальную угрозу дальнейшему эффективному существованию и развитию международного права. При схожем развитии ситуации в мире может сложиться крайне неприятная ситуация, при которой чрезмерные амбиции одной, пусть даже самой сильной страны, приведут к очередному расколу мира на два или более блока противостояния. В данной ситуации под угрозой находятся все надежды мирового сообщества на демократичность и бесполярность новой международной системы.

1. Манчестер У. Оружие Круппа. История династии пушечных королей. – М., 1971.
2. Аргументы и Факты. – № 25. – 2006.
3. Аргументы и Факты. – № 31. – 2006.
4. Лукашук И. И. Международное право – Особенная часть. Учебник для юридических факультетов и вузов. – М., 1998.
5. Торкунов А. В. Современные международные отношения. – М., 2001.

Гладковский В. И. (БрГТУ, г. Брест)

МАЯТНИК ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Давно подмечено явление попеременного преобладания тех или иных тенденций на определенных этапах процесса исторического развития, относящегося к весьма широкому кругу явлений. Существование такого явления нашло свое отражение в широко известном выражении о качании «маятника истории». Когда встречаешь выражение «маятник истории снова качнулся», то создается впечатление, будто бы оно не только нечто обозначает, что бесспорно, но и при этом что-то объясняет, что уже не столь бесспорно и не так уж безобидно. Более того, из вполне гипотетического по своей природе предположения о существовании загадочного «маятника истории», делаются вполне определённые и при этом достаточно шокирующие выводы, правда, на неопределённый срок.

Например, чего стоят хотя бы такие строки: «Нынешний триумф рыночного индивидуализма лишь ярче оттеняет насущность разрешения нашего видового противоречия между индивидом и коллективом. Великий маятник истории достиг крайних отметок индивидуализма. Неизбежно его движение к полюсу коллективизма и социализации. Тысячелетние границы окажутся прорваны, словно тонкие нитки. Государства, существовавшие веками, взлетят на воздух» [5; 163-175]. Цитирование, как способ доказательства вышеприведённого утверждения, можно и продолжить: «Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на нелинейности общественного развития, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов – контрреволюций и контрреформ. Такое пятное, реверсивное течение исторического времени становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу, и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения (последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций)» [3; 3-25].

Тема маятника, опосредующая на уровне внешне привлекательного, но, тем не менее, всё-таки образа, некоторую аналогию, отражающую идею смены тенденций развития, присутствует и в истории образования. В частности, В. Г. Бондарев пишет, что «маятник истории» в процессе развития образования в очередной раз качнулся от идеи эгалитаризма, означающей, прежде всего, одинаковость условий и результатов образования, в сторону либертарности, предполагающей свободу выбора содержания, методов и средств образования в попытке найти соответствие с «субъектным опытом» и «индивидуальным профилем» [2; 59].

Интересно попытаться связать веру в реальность качания «маятника истории» с двойственностью мышления, проявляющегося на уровне различия между рассудком и разумом в так называемых *антиномиях*. В энциклопедическом словаре [1; 39] отмечается, что антиномиями Кант считал вовсе не всякие, противоречащие друг другу суждения, а только те доказанные суждения, истинность которых не может быть непосредственно проверена при помощи опыта. В таблице 1 приводятся четыре группы противоречащих друг другу суждений, касающихся, по Канту: 1) пространства, 2) его деления, 3) возникновения и 4) зависимостей существования.